

Мария Ахметова, Михаил Лурье

Материалы бологовских экспедиций 2004 г.

**Мария Вячеславовна
Ахметова**

Институт высших
гуманитарных
исследований РГГУ,
Москва

Михаил Лазаревич Лурье

Санкт-Петербургский
университет культуры
и искусств;
Государственная
полярная академия;
Академическая
гимназия СПбГУ

В январе и июне 2004 г. состоялись две небольшие экспедиционные поездки в Бологовский район Тверской области, в которых приняли участие сотрудники, аспиранты и студенты нескольких российских и зарубежных университетов: Михаил Алексеевский, Мария Ахметова, Павел Альтшуллер (Российский гос. гуманитарный ун-т), Светлана Амосова (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге), Валентин Головин, Евгений Кулешов, Михаил Лурье, Светлана Милкина, Анна Сенькина (Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств), Ксения Зорина (Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова), Светлана Леонтьева (Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина), Сара Панкеньер (Стэнфордский ун-т), Арина Тарабукина (Гос. полярная академия), Анастасия Филиппова (Институт иностранных языков, СПб.), Якоб Фрухтманн (Бременский ун-т).

Как это часто бывает в работе экспедиционных групп, у большинства участников были собственные собирательские приоритеты,

связанные с их текущими научными темами: так, М. Ахметову специально интересовали эсхатологические настроения и верования, В. Головина и М. Лурье — традиции солдатской и подростковой субкультур, С. Леонтьеву и А. Тарабукину — культура профессионального сообщества сельских и провинциальных учителей, Я. Фрухтманна — представления и суждения о современных российских олигархах. Сбор материала проводился в самом Бологом, в прилегающих поселках, в деревнях и в «военном городке» Озерном Бологовского района. Однако при всем этом тематическом и территориальном разбросе у предпринятого полевого исследования была общая и основная цель, объединившая собирательские усилия всех участников экспедиции, — сбор материала, тематически прямо или опосредованно связанного с Бологим и составляющего, таким образом, локальный компонент культурной традиции этого города.

Иными словами, мы пытались выявить совокупность устойчивых предметных позиций, суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише, посредством которых жители Бологого характеризуют свой город по социокультурным, временным, пространственным, аксиологическим параметрам.

Полевые исследования такого рода — в целом достаточно новое направление в отечественной фольклористико-этнографической традиции — в последние несколько лет проводятся достаточно регулярно. Из известных нам примеров это экспедиции Академической гимназии СПбГУ в Торопец (Тверская обл.), Старую Руссу (Новгородская обл.), Гдов (Псковская обл.), Тихвин, Пикалево, Лодейное Поле, Сланцы, Волхов (Ленинградская обл.); ЛГУ им. А.С. Пушкина — в Подпорожье, Приозерск (Ленинградская обл.); СПбГУ — в Мышкин (Ярославская обл.), РГГУ — в Боровск (Калужская обл.). Собирательская работа в городах и поселках городского типа проводилась отдельными исследователями: И. Разумовой в Апатитах (Мурманская обл.) и Петрозаводске, К. Шумовым в Нытве (Пермская обл.), М. Матлиным в Ульяновске, С. Прохоровым в Коломне (Московская обл.) и др.

Поворот собирательской работы антропологов к городскому (и в смысле места бытования, и в смысле тематики) материалу, в частности к материалу провинциальному, обусловлен, как представляется, одновременно несколькими факторами, среди которых стоит назвать, во-первых, общую тенденцию к предпочтению традиционным для отечественной фольклористики и этнографии областям исследования новых, в частности смещение приоритетов от «древних» и «деревенских» фе-

номенов народной культуры к городским и по преимуществу — современным (см. об этом в рубрике «Форум» первого номера «Антропологического форума»); во-вторых, очевидную преемственность по отношению к семиотическим исследованиям «локальных текстов» и «локальных мифов» в общенациональной культуре (прежде всего в литературе), в свою очередь инспирированным работами В.Н. Топорова о петербургском тексте и введением им в научный оборот самих понятий городского текста и городского мифа; наконец, в-третьих, — развившийся в последнее десятилетие в разных областях отечественной гуманитарной науки интерес к феномену русской провинции и связанные с этим исследования, среди которых нашли себе место и антропологические разыскания, потребовавшие специальных полевых материалов.

Попытки систематизировать и осмыслить результаты полевой работы в городе, отработать методы собирания материала, параметры его анализа и интерпретации воплотились в нескольких статьях [см., например: Кулешов 2001; Кулешов 2004; Леонтьева, Маслинский 2001; Литягин, Тарабукина 2000; Литягин, Тарабукина 2001; Разумова 2000]. В общем виде основные доминанты содержания, особенности функционирования и прагматики этого материала (представленного в фольклористической терминологии как «несказочная проза») наиболее точно и емко, на наш взгляд, охарактеризовала И.А. Разумова [Разумова 2003: 545, п. II.1.1].

Антропологический материал, получаемый в «городских» экспедициях и касающийся «образа города» и особенностей локального самосознания его жителей, представляет большой соблазн — и не меньшие возможности — для обобщения, описания «местной культурной традиции», выстраивания суммы представлений и суждений горожан о своем городе в «городской текст» (этот термин особенно активно используют А.А. Литягин и А.В. Тарабукина). С одной стороны, достаточно очевидно, что этот «текст» как недискретное целое существует только в сознании того, кто его моделирует (а это либо местный краевед, либо приезжий антрополог). С другой стороны, несомненно и то, что некоторый набор стереотипов о городе воспроизводится многими и разными его жителями в определенных коммуникативных ситуациях, круг которых значительно шире, чем музейная экскурсия или ответы на вопросы собирателя. Это позволяет говорить о наличии определенного массива «общего знания» горожан о городе, однако элементы этого массива в разной степени актуальны для различных в возрастном и социокультурном отношении групп жителей: на одном полюсе здесь окажутся краеведы и учителя, в основном пожилого возраста (они и составили основной кон-

тингент наших информантов), на другом — вероятно, «уличные» подростки, для которых локальная самоидентификация значима лишь в плане территориальной закрепленности групп, в силу чего, скажем, репутация районов оказывается знанием гораздо более востребованным, чем репутация самого города. Кроме того, нельзя недооценивать роль печатных и письменных носителей стереотипных высказываний о городе, устойчивых городских сюжетов и проч. (краеведческие издания, рукописные и изданные сборники стихов местных поэтов), равно как и институциализованных форм и ситуаций их бытования — таких, например, как экскурсии, школьные уроки по истории родного края, торжественные выступления представителей местной власти и интеллигенции и т.п.

Все отмеченные выше соображения мы старались учитывать как в своей полевой работе, так и при подготовке настоящей публикации. Тем не менее, позволим себе небольшую преамбулу о «бологовском городском тексте». Выбор организаторами очередной «городской» экспедиции именно города Бологое был, разумеется, не случаен. С одной стороны, по историко-географическим и социально-демографическим показателям Бологое, как представлялось, являет собой воплощение одного из типов современного российского провинциального города уровня райцентра: расположение в живописной местности у водоема (Бологовское озеро); древняя «предыстория» (первое упоминание в XV в.) и недолгая собственно городская история (статус города с первой четверти XX в.); около 35 000 населения; разбросанность жилой части города, большая доля одноэтажной, частной застройки и по преимуществу «купецкая» центральная часть; наличие градообразующего предприятия (Октябрьская железная дорога), в настоящее время не способного обеспечить население города работой; резкий упадок уровня жизни горожан в 1990-е гг. и усилившийся отток молодежи, и т.д., и т.п. С другой стороны, такие факторы, как историческая связь города с железной дорогой и его расположение на середине пути из Москвы в Петербург, как казалось, неминуемо должны были обусловить не только особое место Бологоро в культурном ландшафте России (что очевидно), но также определенную специфику локального самосознания и, соответственно, стереотипию городских текстов.

В целом наши предположения и ожидания оправдались. Официальная формула «крупный железнодорожный узел» постоянно возникает в речи бологовцев, рассуждающих о прошлом и настоящем родного города, и является одной из составляющих культурного «бренда» Бологоро. В советское время железная дорога обеспечивала население города работой, а наиболее высокооплачиваемой была профессия машиниста. Определя-

ющей характеристикой для идеализируемого прошлого является аккуратность, пунктуальность. «Здесь же большой-большой узел был. Ну, сколько поездов, и не пересчитать. Да, сейчас они ездят из Питера в Москву... И это, знаете, подтягивало. Это как сдерживало» [4]. Изменение социально-экономической ситуации повлекло за собой структурные перемены и сокращение количества рабочих мест, так что один из наиболее распространенных мотивов ламентаций горожан — город перестал быть крупным железнодорожным узлом в результате приватизации железной дороги и перевода управления в другое место (Вышний Волочок или Москву). «Теперь не узел, непонятно что Бологое» [11] — довольно типичное суждение. Через железнодорожный топос часто осмысляется история города: крупным, процветающим селом, а затем и городом Бологое стало только благодаря строительству железной дороги; именно из-за своего положения и значения в системе транспортной коммуникации Бологое подвергалось особо жестоким бомбежкам во время Великой Отечественной войны; одним из памятных событий позднейшей истории является крушение пассажирского поезда, произошедшее в 1988 г. Железнодорожный имидж города позволяет связывать с ним соответствующие исторические и литературные ситуации: именно по воле бологовских железнодорожников царский поезд был отправлен вместо Петрограда на станцию Дно, именно здесь бросилась под поезд Анна Каренина (по другому сообщению — в Бологом Толстой писал эту сцену романа) и т.п.

Вторая ключевая презентационная формула представлена цитатой из песни ансамбля «Веселые ребята»: «Бологое, Бологое, Бологое — это где-то между Ленинградом и Москвой». Благодаря своему положению на дороге из Петербурга в Москву Бологое осмыляется как некий промежуточный, транзитный локус, в связи с чем одним из самых ходовых мотивов в текстах местной устной истории является проезд через Бологое различных исторических лиц. Располагаясь посередине пути между столицами, город оказывается как бы в абсолютном центре страны, с чем, видимо, связан образ Бологоро как «сердца» страны. Этот образ поддерживается прежде всего сюжетами, связанными с Великой Отечественной войной: рабочие-путейцы ежедневно восстанавливали разбитые ночными бомбардировками участки железной дороги, машинисты под бомбами вели поезда, именно из Бологоро Левитан зачитывал на всю страну сводки Совинформбюро. Между тем равноудаленное от двух мегаполисов местоположение делает город глубинкой, захолустьем (что, кстати, также оказалось «учтено» песенным текстом — ср. неопределенное местоимение «где-то»): «Захолустный городишко. Это раньше мало-маль-

ски процветало, а теперь отделение Октябрьской дороги закрыли, и всё. На глазах гибнет городишко» [7]. Суждение «мы же как на середине между Ленинградом и Москвой» приводится в качестве оправдания тому, что до города не доходят петербургские и московские музыкальные новинки [1].

Наконец, третья составляющая местной специфичности концептуализируется традицией в самом названии города, чаще всего трактуемом как производное от слова «благое» — «хорошее», «святое». Благодатность места мотивируется главным образом ландшафтно-экологическими факторами (составляющими в рассуждениях бологовцев «противовес» мрачным фактам социально-экономической и духовно-нравственной ситуации в городе): здесь, на Валдайской возвышенности, чистый воздух и самая чистая вода, и поэтому среди местного населения много долгожителей, кругом огромное количество озер, сам город расположен вокруг большого и красивого озера. Необыкновенная красота здешней природы «привела сюда» многих известных деятелей русской истории и культуры: в Бологом было родовое имение князей Путятиных, сюда приезжали Матюшкин и Пущин, бывал художник Рерих, неподалеку находится дом поэта Ходасевича.

Представленные в публикации фрагменты наших интервью с жителями Бологого отобраны и сгруппированы по тематическому принципу. Первую группу составили этиологические тексты, в которых морфологические и этимологические характеристики названия города напрямую увязываются с существенными характеристиками самого города. Во второй группе собраны фрагменты рассказов, рассуждений, lamentаций, в которых муссируется железнодорожная ипостась Бологого как символическая и социокультурная доминанта «образа места» (в особенности для людей старшего поколения). Наконец, третья и четвертая части подборки включают в себя фрагменты нарративов, повествующих о двух трагических событиях, значимых в контексте местной истории — пожаре во время киносеанса (1911 г.) и крушении скорого поезда неподалеку от Бологого (1988 г.). Заметим, что оба сюжета неявно связывают катастрофы с актуальными именно для Бологого темами: в первом случае это идея искупления и религиозного возрождения (большой исторический грех бологовцев — разрушение в 1930-х гг. Покровского храма), во втором — мотив гиблости здешнего места, окруженного топкими болотами, которые могут поглотить даже железнодорожные вагоны (ср. «отрицательную» этимологию названия города).

МАТЕРИАЛЫ

I. Название города

Есть у нас местечко Васькина тропка. Такое местечко. Это там, где кончается город в сторону трассы Ленинград—Москва, вот там район Сельхозтехники, наше кладбище старое, щас новое-то в Медведеве. Там, значит, надо идти, чтоб покорооче дорогу в лес, у нас ведь кругом болото. И по болотистой местности, а болота были топкие. Не случайно Бологое... Есть два значения названия. Первое — не Бологое было, а Благое. И Благое. Первое оттого, что благополучное, хорошее, доброе место. Благие намерения, благое. А второе благое — это дурное место, оттого, что в топких местах там погибали коровы, люди тонули. Вот, и был такой мужик, который любил лес. Ходил в лес по коротким местам, через болотце. И у него была проложена тропка, где уже не утонешь. С тех пор... Звали его Васька. И по этому, по этой тропке и остальные люди ходили в лес за ягодами, и мы по этой Васькиной тропке, было мне лет шесть, семь, бегали за орехами [1].

А вот слово «Бологое» — оно от чего происходит?

Ну, тут много. Что это и плохо, и хорошо.

А почему плохо, почему хорошо?

Ну, не знаю, почему. Ну, говорят, это, громко говорить, кричать — это плохо и особенно плохими словами. Нет, я тут ничего не буду говорить. Ничего не буду говорить. Во-первых, что мы можем сказать? Почему такое — здесь, когда до постройки железной дороги, всего-то было там одиннадцать или несколько человек, что они могли? Занимались сельским хозяйством, полно рыбы, грибов, ягод, им было хорошо здесь жить. Болота здесь проходили, от большой дороги зимой только можно проехать, а летом к ним и не попасть, такое раздолье. Ну, вот железная дорога если только нанесла ущерб. Ну, так оно, название было уже. Таково название уже было.<...>

Плохое место, мы слышали — потому что болота. А Вы имеете в виду еще другое?

Ну, там, кто-то говорил, что от такого слова, что «кричать благим голосом». Вот. Что вот. От такого. Не знаю, не знаю. Ничего не знаю. Назвали и назвали.

А как вообще правильно говорить — «в Бологое» или «в Бологом»?

И пишут и даже тоже по-разному, и так, и так. Я, вы знаете, не имею достаточного образования, чтобы судить о правильности.<..>

А вы как говорите?

Никак чего-то я не говорю. Я никуда не хожу, я побежала за козами, побежала, ничего не говорю, ни так, ни сяк [2].

Не знаю, здесь всё в озёрах. И на букву «О». Всё в озёрах, кругом, вот это озеро, потом вот около дачи ещё озеро. И около Медведево Огрызовское озеро, в общем, кругом вот всё.

А что Вы сказали, что на «О», почему? Бологое же на другую букву.

Вот это первое не знаю. А что буков много, это я слышала.

Много букв «О»?

Да-да-да. Что она находится кругом, в окружности этого, Кафтинского озера... Приезжают отдыхать, москвичи, все приезжают, отдыхают. Хорошее озеро, место хорошее [3].

Как правильно говорить — «в Бологом» или «в Бологое»?

В Бологое. Не склоняется.

А почему?

А вот знаете, я не знаю, вот, у нас все здесь села — они на букву «О» — Куженкино, Лопатино, Макарово, дальше — все-все на «О». <...> Вот, все на букву «О». Вот, так и Бологое. Говорят, произошло — здесь гора была, Благаева гора. Вот так [4].

Вы не слышали, почему Бологое так называется?

Благое место, благое. Оно действительно раньше благое было, это место, какие края, да? Даже был воздух такой здесь раньше? Как марево, красивый такой воздух. А теперь какой воздух? Ну, какой теперь воздух? [5].

Скажите, а само название «Бологое» — оно от чего происходит?

Благое. Было благое место. <...>

А как вообще правильно говорить, Бологое склоняется или нет?

Вы знаете, оно раньше не склонялось. Наверно, лет пять стали склонять. Вот, в Бологом, в Бологое. Бологое — оно раньше не склонялось так.

То есть это неправильно?

Неправильно.

А почему?

А не знаю. Это вот искажают: «из Бологого». А раньше не склонялось.

<...>

Вот вы говорите, раньше было место Благое — оно на самом деле было благое? Оно оправдывает свое название?

Благое? Да как вам, вы знаете, отжили здесь все время. Уже семьдесят пять лет, инвалид первой группы. Так что, не знаю, оправдывает... Нам нравится, я вот, например, к сестре, бывало, приеду в Ленинград, в Ленинграде побуду от силы три-четыре дня и обратно хочу. В Бологое. У нас здесь как-то потише, шуму меньше, в Бологое, чем в больших городах [6].

А слово «Бологое» откуда произошло?

Вы знаете, я вам точно не могу сказать, но как-то я ехал на экскурсию, мы ехали, на экскурсию. И нам экскурсовод сказал, что никто не может твердо сказать, от какого слова: то ли «благое» — хорошее место, то ли Бологое от болотного места, у нас тут кругом болота. Кругом болота. Дак вот, здесь вот одно из них — «болотное место» или «хорошее, благое место». Ну, татары сюда не приходили. Не дошли.

А как правильно говорить — «в Бологое» или «в Бологом»?

Я, конечно, не знаток русского языка, но в газетах пишут так вот, в областной газете — «в Бологом». Так что, вот, оно склоняется.

А жители местные склоняют?

Да кто как скажет [7].

Дак видишь ли ты, сейчас «кого» не склоняют и «чего» не склоняют. Но дело в том, что это не наше, не русское название. Название татаро-монгольское. Вот он когда шел на Новгород, хан Батый, остановился здесь, э... Не вот, не в этом месте, а вот там вот, на том конце озера, Бологое, есть, значит, дом отдыха. <...> Глубочица, вот как называется. Вот. И эту Глубочицу он, ему, значит, так понравилось, ну, это вот в нашем краеведческом музее, значит... Он назвал место Благое. Не Бологое, а Благое. А потом уже, значит, суд да дело, крутили да вертели, и было просто Бологое. А с татаро-монгольского и, по-моему, финского. И склонять было как иностранные слова, раньше ни в одном словаре не склонялись. Вот как иностранное слово Бологое и было. Вот. Ну, а потом... Потом местные, понимаешь, кто рвался к власти. Был такой, его звали Суслик, да Суслик. Моло-

же меня, лет, наверно, года на четыре, на пять. Был секретарем горкома комсомола. И вот будто где-то раскопал в «Ведомостях», новгородских <...> Да впервые раскопал где-то в «Новгородских ведомостях», что, значит, не, э, иностранного происхождения «Бологое», а от русского «благое». И что этому хану Батью там подсказали кто-то из духовнослужителей, что это место благое. Вот, значит, хорошее место [8].

А вообще «Бологое» склоняется? Как правильно говорить?

Бо-ло-го-е. Не склоняется.

А почему?

Ну, я не знаю, вообще, это от старого слова, вот, насколько я вот помню, у меня тут бабушка с дедушкой тут учителями были, слышала я. Место — благое, место было. Что как бы хорошее, святое место. И просто добавлена там лишняя буква. Благое — Бологое сделали. От слова «благое».

А почему ж оно тогда не склоняется, «благое» же склоняется?

Не склоняется, потому что оно как имя существительное. Оно не склоняется [9].

А «Бологое» склоняется?

Да, потому что это имя прилагательное. Благое. И Бологое. Это как бы место. В Бологом, к Бологому. Вот так. Писали даже у нас в газетах литераторы и краеведы, что название нашего города — это от имени прилагательного, оно склоняется, и мы неправильно говорим, когда: «поезд приближается к Бологое». К Бологому. Я из Бологого. Я живу в Бологом, а не «в Бологое». Правильно. А вот так, привыкли уже, что «в Бологое».

А все говорят...

В основном «в Бологое» говорят. Как привыкли [1].

Дело в том, что есть у нас церковнославянский язык, и в нем неполногласное сочетание «ла». «Оло» — это русское, древнерусское. «Благо», «бологое». Может быть, это благо какое-то — город или что. Перевести никто не смог. Но один из умных руководителей горкома, перешедший работать в бывший Калинин, он вдруг объявил, что надо склонять, потому что «Бологое», как «Широкое», оно... есть такие у нас места, дома отдыха, как прилагательное. Но после этого начались прения, и не знаю, не выдерживается. Я говорю, чтоб вам не путаться, называйте рядом «город». Когда нам войну объявляли, говорили: «Наши войска овладели городом...», и город назывался в именительном падеже. Так ведь? И здесь, говорите: «город Бологое». Но он тре-

бывал «в Бологом», «Бологого», прямо так. <...> Мы щас в быту не склоняем. Хотя и говорим: живу не в городе Бологое, а живу в Бологое, а надо бы сказать «в Бологом», да? Вот так далее, не прививается [10].

II. Город и железная дорога

Моя ученица, в свое время, она очень любила песни про Бологое, пела их... Обе. Еще в восьмом классе на свободную тему могли написать, используя патриотические такие моменты в жизни. И потом в десятом. Там же свободная тема всегда давала. Вот.

*На развилке возле озера,
Вдоль сплетения дорог
Словно к рельсам приморозило
Бологое городок.*

*Вот какое Бологое —
Пыль дорог летит в окно,
Городок наш Бологое —
Песня просится давно.*

Это большого композитора, я забыла. В общем, запомните. И вот, девочка, которая в казарме жила, рядом с насыпью дороги, такие большие казармы, где железнодорожники жили, Танечка Бурлакова — она такое сочинение трогательное написала. И даже написала — «мы часы по ходу поезда проверяем иногда». Она вот, мы тоже сверяемся с временем, они точно ходили. Какой поезд идет — знали, как стучит, как идет, как что [10].

Да, ну, немного я вам могу сказать, что известность к Бологое пришла вместе с постройкой железной дороги. Это самое основное, что в Бологое. Здесь останавливались все поезда, которые шли, а их было — один с Питера шел, а другой с Москвы. Стояли поезда два часа, и здесь один из лучших ресторанов был в Бологое. Где на столах — но это вы можете почитать у Теофиля Готье, «Путешествие в России», какой это был ресторан в Бологое, чтобы мне его не пересказывать. Ну и, конечно, всех восхищал в Бологое, в том числе, и Теофиля Готье, это вокзал бологовский. Когда Теофиль Готье подъезжал, к Бологою, то он писал после этого, что вот, мы подъезжаем к одной из станций, которая похожа на храм Святой Марии, что стоит в центре Лондона. Она стоит не на обочине дороги, а среди двух дорог, где одновременно останавливаются поезда с Петербурга и Москвы. И здесь вот какая публика ехала, какие вагоны, и двухчасовая остановка, и что подавалось в Бологое, что подавалось, какие вина, посуда, серебро и хрусталь, подробно у него описано. Вы еще не читали это? Ну вот, почитайте Теофиля Готье, в библиотеке, между прочим, в нашей есть это. «Путешествие из Петербурга в Москву».

Так и называется?

Да. «Путешествие». Нет, «Путешествие по России», что-то так. Теофиль Готье, спросите [2].

Даже был такой у нас... Мы же железнодорожники... Это ведь мы же... Мы же стрелки перевели на станцию Дно, когда он [Николай II] ехал в Питер. Было такое.

То есть это в Бологом?

Да. Это было ночью. Когда как раз поезд подъехал. <...> Это из музейных данных. Рабочие, железнодорожники, перевели стрелки, и поезд отправили не в Питер, как он должен был ехать, а на Дно, станцию Дно, как ехать на Псков. Вот. Неизвестно, чем бы все это кончилось, да?

Если бы в Питер?

Конечно. Это же, там же, это же переворот был. Кто это, как же, кто это, кто это, сами знаете, да? <...> Пошел против народа, против царя. Во что свергли Россию? [5]

Бологое славилось, даже вот Борис Александров был здесь, Якк, гармошка Яковская, кирпичный завод был. В общем, Бологое — это был очень огромный железнодорожный узел, пять направлений. Можно в Финляндию поехать, можно в Германию поехать. Большой узел был. Даже когда перевели сигнализацию, раньше вручную переставляли стрелки, ехал Хрущев, остановили поезд, попросили. И он вышел. Ему говорят: «Из нас четыре тысячи уволили, из-за того, что перевели стрелки на автоматику, что нам делать?» Он дал слово, и построили два завода: арматурный и «Электромаш». Сигнализация и автоматика стала. Вот он у меня машинист.

[внук М.Н.]: Десять лет назад здесь было отделение дороги, а сейчас и того нет. Ну, это уже перестройка [4].

А Троцкого у нас в Бологое много, особенно стариков, да... Он здесь бывал несколько раз.

Да? А что он тут делал?

А тут у него была создана, как, на железной дороге, как-то называлось, ячейка коммунистическая. Ну вот, он, значит, иногда приезжал. Ну, обменяться мнениями, посмотреть, что они делают, как делают. Ну как, делают... Вон, красоты-то у нас. Главное, город виден весь.

А Вы не слышали такого, что Троцкий здесь охотился где-то?

В Лыкошино. Ну, не здесь, а сколько, километров тридцать от

Бологое. Валдайская земля уже, Лыкошино, станция Лыкошино есть. Было дело, да. Слышал. Вообще, через Бологое ведь всё правительство проезжало. Между Ленинградом и Москвой-то они как-то общались. А как? Самолеты в то время были такие, что... Страшно на нем было и летчику-то летать, не только, значит, члену правительства. А бронепоезда были, ну, не бронепоезда, а специальные поезда, правительственные поезда, они у нас назывались литерные. Они ходили довольно часто, кто в них едет, чего? Вагоны как вагоны. Ну как. Если кто строил, дак знает, что они не как вагоны, они пуленепробиваемые. Их не возьмешь таким простым путем, если даже рельсы разберешь. Вот. Поэтому. Вот, выходили здесь, у нас, значит, Папанин первый вышел в Бологое. Когда папанинцы, знаешь, первый, Северный полюс один-то был, вот. Потом, после него кто тут у нас был, трудно сказать, уже забыл. Ну вот, на Валдайских островах, вот, Длинные Бороды, такие острова есть, там правительственный санаторий, дак многие приезжали. Последний председатель Совета министров при Советском Союзе-то, как его... Николай Иванович...

РЫЖКОВ?

Рыжков, ага. Рыжков выходил, он каждый год ездил, он выходил. Посмотрит Бологое. В частности, вот ведь и завод Строммашина. <...> Заводы Строммашина и запорной арматуры — это когда Хрущев ехал, да, из Москвы в Ленинград, зачем там, я не знаю, давно это было, в шестьдесят третьем году, по-моему, в шестьдесят... шестьдесят втором. Ну, в общем, когда он был еще не снятым, вот. Он вышел здесь... Вернее, не вышел, открыл окно, и вот так вот, по пояс. Я тогда в аккурат ночью этой дежурил в круглом депо, дежурным по депо был. Вот. И я тоже его видел. Обыкновенный, простой русский мужчина, говорит: «Э-э», — так, это, не спеша. Подэкивая. Вот. Мы его, конечно, не я — из горкома партии, не помню, кто там к нему близко подходил. Ну, все из уважения метров вот так, наверно, как до березы [показывает], до вагона выходили. Ну, мало ли чего, кто знает. Вообще, с ним договорились уже, с это, с железнодорожной милицией, что вот будем вот так держать себя, и не обращайтесь на это внимания, мы тоже не будем нарушать ваши порядки. Вот мы пожаловались, что молодежь уезжает. У нас обыкновенно вся молодежь уезжала в Ленинград. Редко в Москву, а то всё в Ленинград. Вот это все бологовские, там, и это, из деревень, что оно в Ленинграде, ленинградское ПУ, да? Это вот всё из наших мест здесь. Рабочих мест не было. Буквально на второй год уже в план города, план области, внесли построение завода Строммашина. <...>

А кому пожаловались, что рабочих мест нет?

Хрущеву непосредственно самому. А там, видно, сзади за ним стоял мальчик, который записывал. Вот, он записал, и после этого, сразу после этого построили, значит. Это по плану, обла... областное начальство, наверно, не думало в Бологое расширять. А сейчас...

Перестали уезжать после этого?

Да. Перестали. Ну, а зачем — три тыщи сразу, даже рабочих не хватало. Пришлось, приходилось откуда-то приглашать специалистов. А сейчас, а сейчас осталось, наверно, человек пятьсот-то, наверно, осталось на этом заводе. Может быть, побольше, может быть, поменьше [8].

А щас, вы знаете что, щас, вот, как это, приватизация эта началась, теперь железную дорогу поделили по частям и начали приватизировать. Раньше какой локомотивный был завод. А теперь чего? Он ведь частный <...> Теперь смотрите — стоят разорённые, нищие. Работают вполсилы. Мы раньше, да, гремели. Считался. А теперь даже, знаете что? Далеко ходить не надо. День города считают, день железнодорожника — день города. Вскользь-вскользь, вот так, как это, день железнодорожника уже редко-редко. Так вот, железнодорожники сами отмечают, и даже в газете — день города, какая-нибудь статейка маленькая, день железнодорожника. Даже пресса прекратила день железнодорожника. Считать. А раньше, бывало, день железнодорожника — были гуляния. До озера, до Медведева, я щас помню, по молодости, вон мы всё ходили. Там парк большой и Дом культуры. Вот там они проводили, до озера гулянья были. Именно в день железнодорожника. Раньше был не день города. Теперь считают день города, теперь вместо чтоб праздновать день железнодорожника — день города, вот. Так что железнодорожников на задний план, это... [6].

Все разрушено. Бологое-то железнодорожный узел — всё ушло в Москву, в Петербург, всё, безработица полная. Раньше это город железнодорожников — машинисты, помощники там, кондукторы, много. У нас направления три или четыре железных дорог. И всё это разрушено. И лезет к власти. Уж явно не выберут. [Речь идет о бывшем губернаторе Тверской области, снова претендующем на этот пост. — М. А., М. Л.] <...>

А когда Бологое перестало быть таким железнодорожным центром?

Да вот. Буквально при Ельцине началось, а сейчас уже в Москве руководство. У нас отделение железной дороги назывался, Октябрьская дорога, здание целое, там были свои инженеры, своя

команда. Локомотивное депо, мой ученик, воспитанник — там начальник, вагонное депо. Всё это было как-то... [10].

III. Пожар в кинематографе

Раиса Васильевна, а вот в музее нам рассказали, что в начале двадцатого века тут пожар был ужасный в кинематографе...

А, это было в тыща... девятьсот одиннадцатом году. Ну, вообще, кинематограф появился у нас в тысяча девятьсот десятом году. Это даже года не прошло, он сгорел, в феврале тысяча девятьсот одиннадцатого года. У нас здесь жил князь Путятин, Павел Артемьич, у него была усадьба, там, где раньше был городской Дом культуры, а теперь превратили это здание под Дом спорта будет. Там, где гостиница, прям напротив гостиницы. Вот здесь была усадьба, недалеко построили кинематограф, это здание. Я, конечно, фотографии у меня нет, может, в музее есть. А в феврале тысяча девятьсот одиннадцатого года сюда приехал в кинематограф артист Давыдов из Москвы. И вот, перед сеансом, он выступал, значит, пел, или что, знаю там, что артист Давыдов выступал. И народу было больше ста пятидесяти человек. Набилось. Специально его посмотреть, и потом кино. А, киноаппараты еще были несовершенны, надо было бензин там почему-то был, чтобы давать свет на экран, движок заводили с помощью бензина, и в общем, короче, киномеханик там чего-то неосторожно обратился и вспышка произошла, загорелся киноаппарат, а дверь открывалась внутрь, не на улицу, и вот когда все люди побежали, загорелось, видимо, на дверь нажали, дверь-то не открыть, она же внутрь открывается. И сгорело вот из ста, например, пятидесяти человек семьдесят шесть или семьдесят девять человек сгорело. Среди них много детей. И много обгорели люди, потом умирали в больницах. Или там, долго лечились. И вот потом на месте этого кинематографа поставили часовню. Она и сейчас стоит, она одно время была запущена, заброшена, эта часовня. Там был, продавали керосин или что-то там такое продавали. А потом ее решили восстановить. И потом, там даже есть чудотворная икона [1].

А здесь да, здесь был пожар. В общем... Кинотеатр был деревянный. И там вспыхнула пленка. А был один вход. Понимаете, люди-то хлынули, и больше всего от газа. Когда пленка загорелась, о друг друга. Это было на Великий Четверг.

А не говорили, что это потому, что нельзя на Страстную Седмицу ходить?

Да. Да, был такой слух, говорили, священство говорило. Это был такой, якобы Божье наказание.

[внук М. Н.]: *В тридцатом году было.*

Да.

Когда это было?

Это было примерно, ну, где-то, наверно... в тридцатом взрывали собор, да, вот это было, в двадцать седьмом году. Ну, много очень было, даже мужья спасали жен, когда вот загорелось, там жена была, он туда залетел, жену спас, а сам сгорел [4].

Простите пожалуйста, а это правда, что кинематограф сгорел, потому что в Страстной четверг?

В Прощено воскресенье. В Прощено воскресенье.

Вот, нам сказали, что это кара была.

Ну, я не знаю, кто так может сказать, там кара не кара была, дело в том, что он был наспех построен, не сохранялось никакие, ну, как вот, строят, чтоб получить бизнес, понимаете? И он наспех был. И если это связано с огнем, и связано, то надо соблюдать, как мы в доме следим, или мы в храме, уходим, мы лампадки все погасим, чтоб ничего не вышло. Вот там, не знаю, каким языком называется это технически, то там не соблюдалось. Там только, нужно было, приехал там любимый бологовский артист, и все поспешили туда, ну, я хочу сказать, Прощено воскресенье — это еще не пост. Это не пост. Конечно, все друг у друга просят прощения и готовятся к посту, поэтому, так сказать... А как мы должны быть наказаны? За то, что у нас щас творится в жизни, а? Когда, э, дитя идет, девочка — курит, а ведь она будущая мама. Или вот еще как тут цыгане живут, почему собак мы держим — здесь без конца ходят наркоманы, колются, как нас за это нужно наказать? Поэтому тут очень трудно сказать, что мы пошли кино смотреть — да мы сидим каждый день смотрим кино. Пост — не пост, воскресенье — не воскресенье, правильно? Ну, мы даже уже не ходим, мы втихомолку сами у телевизора сидим и смотрим неизвестно что. А там было немое кино, и просто там артист, ну, может быть, рассказывал это. Не знаю, я такое не могу сказать. Там просто были не соблюдены — что было не соблюдено в таких случаях?

Правила безопасности.

Правила безопасности. Не были соблюдены. Поэтому это и возник пожар [2].

А вот здесь есть часовня на месте сгоревшего кинематографа...

Есть. Есть. Это большая трагедия была. Вот у нас у дедушки была лесенка (?) раньше старинная. И вот, помню, у него была

там обрамлѐнна, это, как его, толстая-толстая иконка такая. В типографии, наверно, сделана. И вот я там как раз помню. А не так давно, погодите... печатали в газете, на 800-летие, как на этот день. Да даже в газете поминали. Батюшка служил в воспоминание, потому что тогда очень много погибло людей. Деревянный.

А когда это было?

Вы знаете... В девятьсот четвёртом... Не помню точно.

До революции?

До революции, до революции это было. И вы знаете, я вот у него на лесенке, как щас помню, девчонкой была, молодая, все это листала, там чего-то — «Королева Марго», «Сочинения молодого человека» и заодно и это [один из номеров газеты «Нива» за 1911 г. — М. А., М. Л.]. И вы знаете, стеллажи лежали, стеллажи какие там, двух-трехъярусные, и лежали трупы обгорелые. Всѐ. Прямо, вот до сих пор я помню, в глазах это стоит, картина, с фотографии были сняты [6].

А Вы не знаете, там недалеко от берега есть такая часовня — что это за часовня?

Это, на этом месте стоял кинотеатр. Дореволюционный. «Аврора». В каком-то году, перед семнадцатым годом, я не помню, году, наверно, в пятьдесят... тысяча... нет, наверно, в девятистом, в двадцатом веке. Этот кинотеатр сгорел. И так как он был, построил его купец <...> Вот, что-то там чего механик, киномеханик проморгал, воспламенилась эта лента, загорелась у него кинобудка, он сдуру открыл окошечко да крикнул: «Горим, пожар, спасайтесь!» Ну а публика дура, там смотрели кино, допустим, про кого-то там, про Чарли Чаплина, да чего-нибудь там, кого-то поинтереснее, тогда таких кино не было, промышленных там — он любит ее, немые кино. Все хлынули в дверь, и дверь зажали, да так зажали, что никому выйти не удалось. Не помню число, ну, наверно, в краеведческом музее есть. Что-то, человек около ста и сгорело. В этой аварии. Не могли, просто сами себя сожгли. Если б кто-нибудь нашелся могучий, такой как, вот у нас Борис Косманов там, ему двести килограммов поднять хоть бы что. Он взял бы эту очередь, растолкал, опустил, они бы все вышли. Они бились там, сколько, минут десять, пятнадцать. Пока не загорелся этот кинозал. Так вот в честь ее, в общем, народ собрал, э, какой-то из купцов, ну, предложил собрать. Деньги. И все с удовольствием построили, построили эту, построена на народные деньги. Часовенка так, на месте, сгорел первый в Бологое кинотеатр «Аврора». Вот эта «Аврора», кинотеатр, что сейчас построили, это построен потому, что,

ну, память-то осталась, мы ж все бологовские. У каждого были родственники, у меня, например, там, никто там не сгорел, а у жены двоюродный, двоюродные родственники сгорели. Вот. Вот, построили часовенку [8].

IV. Железнодорожная катастрофа 1988 г.

В восемьдесят восьмом году. Это как раз у меня родилась старшая внучка, четвёртого августа. А через две недели, шестнадцатого, да, августа, между станцией Березайка, это в сторону Питера, и Бологое поезд «Аврора» загорелся. Четыре вагона сошли с рельсов, там очень много людей погибло, и ранены было. Ужасно было. Горели вагоны, кричали люди. Отправлены были, все медики на ногах, автобусы все сняли с рейсов. Все подняли машины и автобусы, чтобы привозить людей оттуда. Причем это случилось не на самой станции, туда и подбехать-то было трудно, еще километра два пешком надо было как-то, автобусы не могли туда подойти. Вот такая была катастрофа. Долго еще расследование было, причины катастрофы. Ну, поезд «Аврора», двадцать третий или двадцать четвёртый. Питер—Москва. Причину находил, что там грунт плохой, там рельсы садятся, и всё. Потом высказывали версию, что что-то там с электропроводкой было в самом поезде неладно, что-то загорелось. Причем первые три... локомотив и три вагона или два проскочили, а с третьего и с четвертого вагона и до восьмого — самая была каша, вот, в которой там нагромодились и горели. А последние два вагона — там тоже ничего. И, кстати, последний самый вагон, тринадцатый, продают билеты всегда для жителей Бологое. Вот, он спасся. Там никто, ушибы, конечно, получили, стресс был такой. Девочка одна ехала, ходила ко мне в кружок театральный. Олечка такая, она рассказывала, как она видела, что случилось [1].

А вот Вы не слышали, что в Бологом или под Бологим в 80-е годы какая-то авария была железнодорожная?

А, да. Сто пятьдесят девятый поезд.

Это откуда он куда ехал?

С Ленинграда в Москву. Да, была авария. Я даже не знаю, чего там случилось, но это страшная картина была. Столько трупов увезли. И потом, как в войну носили, это, на перронах, в белых халатах бегали. Привозили. И это, в больницу возили все. Гробы делали все столярки-то, дали там бесплатный, что там. Очень много было. И большие машины увозили в разные места. Страшная картина здесь, очень много народу было.

Из бологовских кто-нибудь погиб?

Из бологовских? По-моему, нет. Одна была проводница, с тринадцатого вагона, моя соседка. Вот. У неё что-то сотрясение было, она вот вылетела, стекло разбила, из туалета. Выпрыгнула. И повредила что-то. Но щас она ничего, говорила, что ничего. Была авария, да [3].

А говорят, здесь где-то железнодорожная катастрофа в восьмидесятых была?

Была. «Аврора». «Аврора».

А что там?

А ничего. Погибло больше ста человек, чего. Там такое место, вот там, слева. Не доезжая Бологое, как вот, [слово неразборчиво] полустанок такой, называется. Там болото, большое болото. Такое место низкое. Болотистое. Вот здесь вот произошла эта катастрофа.

А как это вышло?

Не знаю, как это. Даже это, мы доставали из этого болота людей. Трупы. Погибших. Много погибло людей, много <...> Ну а... А не столкнулись они, поезда, не столкнулись. Что-то... Не сработало. Это самое, электричество, провода были в ресторане или что, не знаю [11].

А в восьмидесятые годы тут крушение поездов было...

Было. Это «Аврора». <...> Между станциями [несколько слов на записи звучат неразборчиво] и Березайка. Поезд сошел с рельс. Два вагона, три, начали гореть. В двух вагонах были одни дети. <...> Там такая местность, болотистая, не проехать.

Там ничего не поставили?

Нет. Ну, со временем, наверно, поставят, потому что... Откуда взять денег? На это дело надо денег, во-первых, а во-вторых, люди-то ехали не бологовские... Не бологовские же. Я, кому памятник ставить там? А так, конечно, надо поставить памятник. Там во время войны был разбит состав, санитарный поезд с ранеными. Так там очень много погибло, и там, этот, в двух местах поставлен памятник, там, на месте крушения. Братская, вырыли братскую могилу [7].

Тут была большая авария в восьмидесятые годы, а что это за авария?

Там как раз в таком месте жидкость такая, топко. И осела. И много народу погибло?

Да нет, не особенно, не особенно много людей погибло. Ну, что вагоны-то не опрокинулись.

Не опрокинулись?

Нет. Два, по-моему. Ну, тут сразу вояки подоспели, на танках [12].

Сведения о публикуемых материалах

1. Интервью с Раисой Васильевной Т. (64 года, родилась в деревне Харитоньиха Валдайского района Новгородской обл., переехала в Бологое в возрасте года; образование среднее специальное (Ленинградское культурно-просветительское училище); работала экскурсоводом, пела в местном ансамбле при музыкальной школе «Родные напевы»; основатель и руководитель местного клуба фольклорной песни «Сударушка»).
2. Интервью с Верой Федоровной М. (73 года, образование среднее, работала воспитателем в детском саду; сейчас — активная прихожанка, участвовала в восстановлении часовни).
3. Интервью с Валентиной Михайловной (69 лет, образование среднее специальное).
4. Интервью с Марией Николаевной Ш. (84 года, родилась в Бологом; образование высшее, 42 года работала учителем истории).
5. Интервью с Ниной Семеновной (около 55 лет, переехала в Бологое из Сибири в середине 1980-х гг., работает в церкви).
6. Интервью с Зинаидой Николаевной С. (76 лет, родилась в Бологом).
7. Интервью с Василием Григорьевичем Д. (около 75 лет, родился в д. Сергиево Бологовского района, переехал в г. Бологое в 1947 г.; образование среднее специальное).
8. Интервью с Валентином Владимировичем М. (77 лет, родился в Бологом; образование высшее [Тверской педагогический институт], работал машинистом, начальником смены, парторгом депо, учителем истории, директором пионерского лагеря).
9. Интервью с женщиной (около 50 лет).
10. Интервью с Валентиной Александровной Т. (84 года, родилась в Ленинграде, переехала в Бологое в возрасте около 11 лет; образование высшее (Тверской педагогический институт), работала учителем русского языка и литературы, завучем и директором школы, директором интерната, вела кружок логики и философии).
11. Интервью с Тамарой Михайловной (68 лет, родилась в д. Книщины Вышневолоцкого района Тверской обл., переехала в г. Бологое в 1957 г.; образование среднее специальное,

работала билетным кассиром по распределению мест до 1992 г., в настоящее время подрабатывает торговлей семечками).

12. Интервью с женщиной (около 75 лет).

Библиография

- Кулешов Е.В.* СобираТЕЛЬская работа в Тихвине: аксиология городского пространства // Живая старина. 2001. № 1. С. 13–15.
- Кулешов Е.В.* «А Тихвин тогда маленький был...» // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 161–178.
- Леонтьева С.Г., Маслинский К.А.* Город и турист: механизмы самопрезентации «классической» провинции // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции 29.08–1.09. 2001. Тверь, 2001. С. 76–86.
- Литягин А.А., Тарабукина А.В.* К вопросу о центре России (топографические представления жителей Старой Руссы) // Русская провинция: миф–текст–реальность. М.; СПб., 2000. С. 334–347.
- Литягин А.А., Тарабукина А.В.* Специфика исследования культуры малых городов // Живая старина. 2001. № 1. С. 12.
- Разумова И.А.* «...Как близок от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) // Русская провинция: миф–текст–реальность. М.; СПб., 2000. С. 324–334.
- Разумова И.А.* Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 544–559.